

Легенды о Тамерланѣ.

I.

Нѣтъ человѣка, который не хотѣлъ бы владѣть Самаркандомъ!

Ширъ-Али, кривой нищій, тоже мечталъ объ этомъ, особенно по ночамъ, когда тихій степной вѣтеръ пахнетъ травами, опьяняя, возбуждая безумныя мечты.

Но и днемъ нищій нерѣдко говоритъ бѣднякамъ, друзьямъ своимъ:

— Ахъ, если бы я былъ владыкой Самарканда!

Весь городъ узналъ мечту Ширъ-Али и люди, смѣясь при встрѣчѣ съ нимъ, говорили другъ другу:

— Вотъ этотъ, одноглазый, тоже хочетъ владѣть Самаркандомъ!

Узнать о мечтахъ нищаго самъ Великій Хромой, Тимуръ-ханъ, узналъ и удивился жестоко:

— Несправедливо это,—сказалъ онъ,—несправедливо, если мечта героя доступна сердцу ничтожнаго нищаго!

И запомнилъ онъ въ глубокомъ сердцѣ своемъ имя—Ширъ-Али.

А долго спустя, когда стѣны Самарканда пали подъ ударами желѣзной руки Тимура и когда благая рука эта восстановила красоту города во всемъ великолѣпїи его, повелѣлъ Тимуръ-ленгъ:

— Найдите нищаго, по имени Ширъ-Али!

Привели одноглазаго, и сказалъ Тимуръ, глядя на него глазами барса:

— Али! Извѣстно стало мнѣ, что небо и звѣзды любятъ тебя и рѣшили я—да будешь ты счастливъ на землѣ, да исполнится мечта твоя!

И приказалъ:

— Омойте нищаго, одѣньте его и поклонитесь ему—отнынѣ онъ владыка Самарканда, какъ того хочетъ мой разумъ, какъ рѣшило сердце мое!

Вотъ сидитъ Ширъ-Али на коврахъ, выше всѣхъ, весь въ шелкъ и золотѣ, сидитъ, открывъ ротъ, и одинокій глазъ его не виденъ въ радужномъ блескѣ драгоценныхъ камней.

А предъ нимъ стоятъ, преклонивъ головы, великіе мурзы, воины, мудрецы и девяносто девять тысячъ удивленнаго народа.

И самъ Непобѣдимый стоитъ предъ нимъ, прислушиваясь молча, какъ рыгаетъ чисто вымытый, по горло сытый нищій.

И сказалъ ему Тимуръ-ханъ:

— Скажи намъ что-нибудь, Ширъ-Али, счастливый чело-вѣкъ, скажи намъ лучшее, что ты носишь въ душѣ твоей, зна-комой со всякимъ горемъ, въ доброй душѣ твоей...

Подумалъ одноглазый и сказалъ:

— Добрые люди, подайте милостыню одноглазому нищему, подайте...

Долго молчали князья, воины, мудрецы, девяносто девять тысячъ народа, и самъ Тимуръ долго молчалъ.

А потомъ, вздохнувъ, повелѣлъ:

— Повѣсьте эту кривую собаку на воротахъ города!

.....

Есть люди, которые думаютъ, что одноглазый нищій въ послѣдній часъ жизни своей—только въ этотъ часъ!—былъ бо-лѣе мудръ, чѣмъ побѣдитель міра.

II.

И вотъ что еще рассказываютъ о Тимурѣ.

Когда онъ насытился славой, какъ Хороссанъ зноемъ солнца, онъ сталъ задумчивъ и немногословенъ, подобно мудрецу съ береговъ Ганга.

И, созвавъ однажды въ шатеръ свой величайшихъ мудре-цовъ земли, кратко спросилъ ихъ:

— Мнѣ нужно видѣть Бога—какъ я могу достичь Его?

Разные пути указывали мудрецы Тимурѣ, но онъ жестоко молчалъ, отталкивая мудрыхъ взглядомъ презрѣнія.

Молодой мудрецъ далекой страны Средиземнаго моря ука-заль Тамерлану:

— Только разумный трудъ приводитъ къ познанію мудрости Божіей!

— Это путь рабовъ,—крикнулъ Хромой,—укажи мнѣ путь Владыки!

— Богъ познается созерцаніемъ,—сказалъ сѣдой старикъ изъ Пешавера.

Усмѣхнулся Тимуръ.

— Созерцаніе—сонъ души и бредъ ея, ступай прочь, старикъ!

Византіецъ сказалъ, что путь къ Богу лежитъ сквозь любовь и тернія любви къ людямъ, но Тимуръ не понялъ византіяца, насмѣшливо возразивъ ему:

— Гѣхъ, которые много любятъ, мы называемъ распутными и они заслуживаютъ только презрѣніе.

Такъ онъ отвергъ всѣ совѣты мудрецовъ и много дней былъ мраченъ, точно воронъ.

Но однажды, запоздавъ на охотѣ, онъ остался почевать въ горномъ ущельѣ и вотъ, на разсвѣтѣ, ворвалась въ ущелье буря, осыпая его каменные бока огненными стрѣлами, наполнивъ горную щель степной пылью и тьмой.

И въ громъ, во тьмѣ, Тимуръ-ленгъ услышалъ спокойный Голосъ:

— Зачѣмъ Я тебѣ, человекъ?

Понялъ Хромой, кто говоритъ съ нимъ, но не устранился и спросилъ:

— Это Ты создалъ міръ, который я разрушаю?

— Зачѣмъ Я тебѣ, человекъ?—повторилъ Голосъ бури.

Подумалъ Тимуръ, глядя во тьму, и сказалъ:

— Родились въ душѣ моей мысли, не нужны мнѣ, и требуютъ отвѣтовъ—это Ты внушаешь ненужныя мысли?

Не отвѣтилъ Голосъ или не слышенъ былъ Тимурѣ отвѣтъ Его въ зломъ хохотѣ грома среди камней.

Тогда выпрямился человекъ и заговорилъ:

— Вотъ, я разрушаю міръ—весь онъ въ ужасѣ предъ мечомъ моимъ, а я не знаю страха даже предъ Тобою. Тысячи тысячъ людей видѣли меня, а я даже въ сновидѣніяхъ не встрѣчался съ Тобою. Ты создалъ землю, посѣялъ на землѣ неисчислимыя племена—я поливаю землю Твою кровями всѣхъ племенъ, я истребляю лучшее Твое, вся земля побѣтѣла, покрыта костями людей, уничтоженныхъ мною. Я дѣлаю все, что могу, Ты можешь только убить меня, ничего больше Ты не сдѣлаешь мнѣ, ничего! И вотъ—я спрашиваю: зачѣмъ все это—я, Ты и всѣ дѣла наши?

Голосъ спокойно сказалъ:

— Придетъ часъ и Я накажу тебя...

Усмѣхнулся великій убійца.

— Смертью?

И голосъ отвѣтилъ:

— Страшнѣе смерти—пресыщеніемъ накажу Я тебя!

— Что такое пресыщеніе?—спросилъ Тимуръ.

Но буря взлетѣла къ вершинамъ горъ и никто не отвѣтилъ Тамерлану.

Послѣ этого Тимуръ-ленгъ жилъ еще семьдесятъ семь лѣтъ, избивая тьмы людей, разрушая города, какъ слонъ муравейники.

Иногда, на пирахъ, когда пѣли о подвигахъ его, онъ вспоминалъ ночлегъ въ горахъ и голосъ бури и, вспоминая, спрашивалъ лучшихъ мудрецовъ своихъ:

— Что такое пресыщеніе?

Они говорили ему много, но вѣдь нельзя объяснить человеку то, чего нѣтъ въ сердцѣ его, какъ нельзя заставить лягушку болота понять красоту небесъ.

Умеръ Великій Тимуръ-ленгъ, разрушитель міра, послѣ великой битвы и, умирая, онъ смотрѣлъ съ жалостью въ очажъ только на любимый мечъ свой.

М. Горькій.